

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.062

УДК 316.722 + 930.24(100)“04/14”

А. С. Козлов

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Рец. на кн.: Late Antiquity in Contemporary Debate / ed. R. L. Testa. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2017. 280 p.

Рецензия раскрывает концептуальную и содержательную стороны сборника статей западных антиковедов и специалистов по истории раннего Средневековья, анализирующих особенности развития и функционирования преимущественно хронологических и культурных реалий средиземноморской цивилизации III–VIII вв. Указана актуальность избранной исследователями тематики в рамках заявленных проблем. Подчеркнута спорность решения вопросов, касающихся проявлений самодостаточности и цивилизационной прочности поздней Античности в обстановке христианизации и освоения миром VII–VIII вв. античного наследия. Особое внимание обращено на статьи сборника, по сути противоречащие проблеме, поставленной на обсуждение сессией XXII Конгресса исторических наук, но сосредоточенные на узких, хотя и интересных вопросах истории позднеантичной цивилизации.

Ключевые слова: поздняя Античность; раннее Средневековье; хронологические рамки поздней Античности; эмпирические реалии Средиземноморья.

Цитирование: Козлов А. С. Проблема границ позднеантичной цивилизации. DOI 10.15826/izv2.2019.21.3.062 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 286–293. Рец. на кн.: Late Antiquity in Contemporary Debate / ed. R. L. Testa. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2017. 280 p.

Поступила в редакцию 08.09.2018

Принята к печати 01.07.2019

Aleksandr S. KozlovUral Federal University
Yekaterinburg, Russia**THE PROBLEM OF BORDERS OF THE CIVILIZATION
OF LATE ANTIQUITY*****Review of:* Testa, R. L. (Ed.). (2017). *Late Antiquity in Contemporary Debate*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 280 p.**

This review describes the concept and content of a collection of articles authored by Western specialists in antiquity and the history of the early Middle Ages analysing the peculiarities of development and functioning of mostly chronological and cultural realities of the Mediterranean civilization between the 3rd and 8th centuries AD. The reviewer points out the relevance of the topic as part of the scope of issues considered. He also emphasises the debatable character of solutions proposed by the authors for a number of questions which have to do with manifestations of self-sufficiency and civilizational stability of late antiquity during the process of Christianisation and the world's familiarisation with the heritage of antiquity between the 7th and 8th centuries. The review focuses on the articles that contradict the problem put forward at the 22nd Congress of Historical Studies but focusing on narrow albeit interesting questions of history of the civilization of late antiquity.

Key words: late antiquity; early Middle Ages; chronological framework of late antiquity; empirical realities of the Mediterranean.

Citation: Kozlov, A. S. (2019). Problema granits pozdneantichnoi tsivilizatsii [The Problem of Borders of the Civilization of Late Antiquity]. *Review of:* Testa, R. L. (Ed.). (2017). *Late Antiquity in Contemporary Debate*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. 280 p. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 3 (190), 286–293. doi: 10.15826/izv2.2019.21.3.062

*Submitted on 08 September, 2018**Accepted on 01 July, 2019*

Судя по «Введению», рецензируемый компендиум стал формироваться с момента встречи нескольких специалистов на XXII Международном конгрессе исторических наук в Цзинане (Китай) в августе 2015 г. (р. VIII). Редактор книги, Р. Л. Теста, директор департамента истории Рима Университета Перуджи, инициировала на этом форуме сессию, нацеленную на обсуждение «определения хронологии» и «географического контекста» поздней Античности (Ibid.), т. е. вопросов, которые Эрве Энгльбер (директор департамента истории Университета Париж X — Нантер) назвал «двумя крупными проблемами в исследованиях поздней Античности» (р. 215). Тем не менее, только половина докладов, помещенных в книгу (К. Эндо, П. К. Диас, И. Тантилло, Ж.-М. Карриэ и Э. Энгльбер) («Введение», мастерски выполненное Тестой, не в счет), обращается к периодизации и определению предмета изысканий, вынесенного на сессию итальянской

коллегий. Географию предмета всерьез не затрагивает никто. Из десяти докладов только два (К.Эндо и Н. Ленски) были презентованы на английском языке, остальные были позже подвергнуты переводу (что понятно), но переводы явно оставляют желать лучшего. Более тщательная корректура, скорее всего, устранила бы этот недостаток, как и типографские огрехи, режущие глаз. Странно, но в книге нет ни одной карты и ни одной перекрестной ссылки — и это при заявленной тематике и поставленных задачах! Нет и какого-либо индекса — указателя имен, географических и предметных названий и т. п.

Для оправдания постановки на сессии Конгресса указанных вопросов *Р. Л. Теста* посвящает **«Введение»** обзору новой и новейшей историографии поздней Античности, наскоро преодолевающему проблемное поле (совершенно справедливо акцент делается на трудах Э. Гиббона, А.-И. Марру, С. Маззарино А. Момильяно, А. Х. Джонса, П. Брауна и Б. Уорд-Перкинса, но почему-то забыты знаменитые немцы — даже Т. Моммзен и О. Зеек, а из современных — А. Демандт). На первый план правомерно выдвигаются поворотные историографические ситуации, связанные с А. Пиренном, школой «Анналов», М. Фуко, с обращением к иным осмыслениям культуры, ментальностям и новому материализму. Но нетрудно заметить, что это «Введение» — по сути хороший учебник для слушателя специализированного семинара, эссе, предвещающее сложность, на преодоление которой вроде бы настроена книга: поздняя Античность на сегодняшний день — академический предмет удивительной силы и популярности, и именно из-за этого (а может быть, вопреки этому) определение его объема и проблематики только умножает остроту соответствующих вопросов. Недавние диспуты о темпоральных и пространственных границах позднеантичного мира отразили глубокие разногласия относительно характеристик его структурного поля — социальных, политических, экономических, культурных реалий. Ясно, что анализ этих характеристик должен быть поставлен на первое место (выше существующего баланса представлений о континуитете, креативности общественных сил IV–V вв., катастрофе и т. п.) и постепенно давать информацию для формирования концепций и создания обобщающих трудов. В данный момент, если большинство специалистов более или менее согласно отнести начало поздней Античности к концу III в., то датировка финала эпохи и характеристика его природы, как подчеркивает Теста, намного более проблематичны (р. XXXIII–XXXVIII). Мало того, исследования экономики, социальных структур, религии и культуры идут в разных ритмах, с колебаниями в самые разные моменты, — факт, иллюстрируемый и докладами, собранными в рецензируемой книге.

На призыв Тесты обсудить заявленные ею темы полноценно отреагировали только трое коллег. Другое дело — как отреагировали. Так, работа *К. Эндо* «Империя и последствия» провокативно преобразует вопрос о начале и конце исследуемой эпохи через переосмысление «упадка и разрушения» в сочинениях двух авторов XVIII в. — Ш. Монтескье и У. Робертсона. В самом деле, считает Эндо, если признавать позднюю Античность, как это делают многие нынешние западные специалисты, «здоровой», то предельно «ограниченным» следует

полагать подход, который применяют при оценке римской и постримской цивилизации оба интеллектуала эпохи Просвещения. Ибо размышляя о связи между империей, человеческим достоинством и свободой, а также воспринимая распад Римской империи как предпосылку для рождения их родной постимперской Европы, они воспринимают этот процесс как возведение республиканского, но по имперской кальке сработанного здания, — строительство, которое активизировало потенциал «упадка». Семена «падения» Рима были посеяны во II в., когда проявилась несовместимость гражданского достоинства с доминированием насилия со стороны власти. Примечательно, однако, что для Эндо еще большую, дезорганизирующую «ограниченность» демонстрируют современные исследования — демонстрируют своими *circumscribed ambition* («ограниченными амбициями»). По сути, речь о том, чтобы вернуться «к исследованию эмпирики», ибо у нас не получается использовать историю как «форму критики» (р. 2). Именно это (то, о чем в данном случае сожалеет Эндо) можно оценивать и как потенциальный вклад исследователей поздней Античности в аналитику даже современных политических отношений¹.

«Падение» империи (понимаемое в более узком смысле) находится в центре внимания работы П. К. Диаса с опять-таки провокационным названием — «Полезность бесполезных категорий». Цель испанского специалиста — подтверждение пока еще существующей правомерности употребления понятий «кризис» и «падение» для написания истории поздней Античности. «Главный кризис Западной империи» (р. 21), согласно Диасу, развернулся между 405 и 411 гг., и был ускорен продвижением варваров в Италию и западные провинции. Виною тому была некомпетентность власть предержащих в принятии стратегических решений, а результатом — утрата налоговой базы и территорий (р. 25). После этого падение лояльности к этим властям со стороны крупных землевладельцев побудило последних договариваться с «формирующимися властями варваров» (р. 27), — точка зрения, весьма близкая к той, которую в советской историографии высказывал В. Т. Сиротенко. К VI в., отмечает Диас, несмотря на яркие проявления континуитета, «все изменилось», и Европа стала выглядеть весьма мрачно (р. 29). Хотя подобные суждения исследователя и трудно назвать новаторскими, они подчеркивают одну из фундаментальных дилемм поздней Античности — исчезновение Западной Римской империи и расцвет позднеантичных порядков частично совпадают.

Данная проблема лежит в основе и одной из самых удачных статей рецензируемой книги «От трансформации к разрыву тканей» Ж.-М. Карриэ. Размах работы французского специалиста серьезен. Уделяя основное внимание (но отнюдь не априорно) экономическим и социальным структурам, Карриэ улавливает конец античного мира (и, таким образом, конец его заключительного

¹ О влиянии новой политической ситуации в Европе рубежа XX–XXI вв. как одного из важнейших факторов на выработку «концепции поздней Античности» (прежде всего, британскими исследователями) см.: [Ващева, с. 222–223].

этапа) с коллапсом «мировой экономики», являвшейся «фундаментальной новацией» империи (р. 199). Приближение к дефрагментации Европы ассоциируется с распадом Западной империи в V в. (то, что распад оказался жестким, объясняется германскими вторжениями), а затем реконкистой Юстиниана, чумой и изменением климата; финальный же «разрыв тканей» имел место в связи с переходом Сирии и Египта в исламскую сферу влияния в начале VII в. (р. 199). Иначе говоря, «переход античного мира в принципиально новый мир пришелся на седьмое столетие» (р. 200). Пиренн, полагает Карриэ, верно определил временные рамки конца эпохи, но причины конца назвал неверно. По Карриэ, поздняя Античность также начинается с расставания с прошлым, когда инновационные политические, административные, фискальные и военные структуры способствовали между 285 и 330 гг. трансформациям, ставшим реакцией на кризис III в. и положившим начало «новой империи», отличавшейся от прежней, финальной фазе античного мира (р. 178, 183).

Первый же доклад **«Методологического раздела»** (в понятиях российской науки — раздел вспомогательных исторических дисциплин) демонстрирует результат более скромный, нежели то, что было заявлено в его задачах. Будучи актуальным сокращенным вариантом весьма значимой работы Ю. Дрескен-Вейланд, доклад ограничивается периферией вопросов, заданных инициатором сессии и, соответственно, рецензируемой книгой. Заявляя «обзор христианских портретов» (р. 52), на деле он демонстрирует лишь изображения на памятниках искусства III — начала V в. частных (но не общественно значимых) лиц, заведомо охарактеризованных как христиане. Преобладают в обзоре изобразительные контексты на погребальных памятниках и изображения на предметах «повседневного характера» — с изрядным акцентом на содержании (но не стиле) образа. Не очень внятное заключение утверждает, что после IV в. в силу изменений в погребальной практике «изображения христиан вроде бы обрели место в церквях» и на «литургических объектах» (Ibid.). Последний пассаж призвана подтвердить тематическая вырезка из каталога отнюдь не современной выставки, отражающей бытие поздней Античности.

В эссе И. Тантилло основными являются вопросы периодизации, решаемые весьма нетрадиционно, ибо итальянский ученый подходит к ним, проводя различие в объеме и весомости соответствующих данных латинской и греческой эпиграфики. Убедительно показано, что последняя, особенно после работ Л. Роббера о стихотворных посвячительных надписях и работ Ш. Роше об Афродисии, демонстрирует знаковые черты, способные выделить поле позднеантичной греческой эпиграфики, начинающееся с конца III в. и завершающееся «резким переломом в эпиграфической практике около 600 г.» Западный, латинский материал — менее определенный. Практические выводы по нему, сделанные в XIX в. (прежде всего — Т. Моммзеном и Д. Б. де Росси), задолго до выделения поздней Античности в особую эпоху, фиксировали перемену в рамках VI–VII вв. как последний рубеж для компоновки собрания латинских надписей. Параллельно было подтверждено выделение в особую группу «христианских» эпиграфических

текстов. Этот хронологический рубеж долго никем не оспаривался (р. 60), и если изредка и брался под сомнение, то медиевистами. Лишь относительно недавно, поскольку внимание к эпиграфическим источникам (как к памятникам и как к текстам) резко возросло (р. 68), ученые занялись постижением многостороннего смысла и специфических форм их позднеантичного массива. В этом тренде к большему «глобальному пониманию» развития эпиграфики Тантилло видит признаки того, что именно последняя поможет склонить чашу весов к «краткосрочной периодизации» поздней Античности (р. 71).

Раздел «*Исследования казуса*» содержит три работы. *Жиль Брансбург* презентует четкий обзор взглядов римлян на фискальные проблемы и особенно их «стремления к справедливости» при налогообложении (р. 105). По сути, отслеживается имперская эволюция — от «хищного юридического лица» III в. до н. э. (р. 80) до приближения вплотную к «государству консенсуса» (после обнародования Антониновой конституции) и фискальных реформ Диоклетиана и Константина (р. 92). Брансбург стремится показать, что такое «приближение» действительно было, и для этого вновь поднимает данные нескольких папирусных собраний. Действительно, эти документы показывают довольно беспристрастную таксацию обложения и взимание податей сообразно статусу конкретных социальных групп Египта VI в. В «финансовой доктрине» и «налоговой философии», которые он, по сути, отождествляет, Брансбург обнаруживает «одно из основных наследий поздней Античности в области политической экономики» (р. 105), генезис которой он относит к периоду тетрархий и династии Константина.

Нозль Ленски, в отличие от Брансбурга, обращается к весьма почтенной по возрасту теме и подвергает сомнению «относительную значимость труда свободных, должников и рабов в производстве прибавочного продукта» в поместьях стран Магриба (р. 114). Отвергая аргументацию Ж.-М. Карриэ и К. Харпера относительно господства рабского труда в поместьях IV в., американский исследователь доказывает, что «основными производителями» в «крупных и средних поместьях Северной Африки» были «долгосрочно зависимые и полузависимые арендаторы» (р. 120). Эта система, настаивает Ленски, преобладала здесь (с некоторыми вариациями рабства) со времен древнего Карфагена (?) и до VI в. Как и Брансбург, Ленски не связывает свои наблюдения с глобальными задачами, поставленными Тестой. Однако и у него в качестве «водораздела» эпох (р. 132), пусть и в незначительной степени, фиксируется время Константина, — на основании издания последним законов, которые, создавая прикрепленных к земле колонов, сокращали различия между свободным и рабским трудом даже при том, что Африка оставалась «страной сельскохозяйственной аренды с крестьянством, частично лишенным прав» (р. 149) до конца VI в., а то и до арабского завоевания, когда эта система рухнула. Остается сожалеть, что читатель вынужден лишь воображать дискуссию между Брансбургом, Ленски и Карриэ, исследования которых отчасти совпадают по предмету, но весьма отличаются подходами и методикой.

В третьем докладе «Исследований казуса» *Ф. Блодо* стремится разъяснить концепт «геоэклезиология», с помощью которого, по его мнению, следует попытаться «ярко осветить аутентичную динамику церковных проблем» (р. 168). Эссе компактное, весьма рассудительное и является реакцией на конкретные нападки, согласно которым для обладания нормальным потенциалом, объясняющим те или иные явления, геоэклезиологии препятствует либо серьезная редуктивность, либо излишняя ориентированность на «политические эффекты» за счет своего «доктринального или религиозного содержания» (р. 163). По сути, такое эссе предпринимает лишь слабую попытку обратиться к темам сессии, заявленным инициатором.

Сборник завершается эссе *Эрве Энгльбера* «Рождение новой, короткой поздней Античности», умело расчленяющим достижения сессии в ходе «дебатов» о времени и пространстве изучаемой эпохи на четыре группы: концептуальная терминология (например, понятия «кризис» и «Упадок»), *“non-literary” media* (источники информации «нелитературного» характера, в частности, памятники изобразительного искусства и надписи), новые «образцы герменевтики» (геоэклезиология) и «исторические особенности» (таксация, категории сельских тружеников, типы дискурсивного анализа). Однако гораздо важнее мысль Энгльбера о том, что темы, выбранные для дискуссии, вылились в презентацию «религиозных и культурных трендов» (р. 218), а реальная польза свелась к констатации «краткосрочности» поздней Античности, поскольку исчезновение позднеримского государства оказалось синхронным с переломом в четко очерченных социальных и экономических структурах поздней Античности (Ibid.). Точно так же, как изыскания Б. Уорда-Перкинса и П. Хизера, представленные эссе (доклады), поясняет Энгльбер (р. 218–221), приводят доводы в пользу существования новой краткосрочной поздней Античности, охватывающей период с конца III в. до конца VI или даже начала VII в., что эквивалентно прежней хронологии (например, предлагаемой А. Х. М. Джонсом). Это общество, однако, имело более широкую (нежели считалось раньше) базу и распространялось на земли, ранее считавшиеся периферийными, маргинальными (в сравнении со Средиземноморьем: например, часть Центральной Европы и часть державы Сасанидов). Это общество и в то же время период, процветающие благодаря «римской власти и римскому миру» (р. 219), но не ярким культурным и религиозным экспериментам долгосрочной поздней Античности, описанной Питером Брауном. Можно ли методологически примирить эти две поздние Античности? На уровне теоретических спекуляций, — скорее всего, да. Но категоричные выводы Энгльбера возвращают нас к понятиям упадка, переходного периода, трансформации и т. д. Столкновение подобных подходов неизбежно побуждает специалистов к новым вопросам и обобщениям.

Исследования

Ващева И. Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 220–231.

References

Vashcheva, I. Yu. (2009). Kontseptsiiia pozdnej antichnosti v sovremennoj istoricheskoy nauke [The Concept of Late Antiquity in Modern Historical Studies]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 6 (1), 220–231. (In Russian)

Козлов Александр Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Древнего мира
и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: alarich@olympus.ru

Kozlov, Aleksandr Sergeevich

PhD (History), Associate Professor
Department of History of the Ancient World
and Middle Ages
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: alarich@olympus.ru